

М.А. ШАБАНОВА

О вкладе Т.И. Заславской в познание посткоммунистических трансформаций: социальные механизмы и перспективы развития России

В статье делается попытка обобщить и систематизировать вклад Т. Заславской в познание посткоммунистических трансформационных процессов. В центре внимания – категория ”социальный механизм трансформационного процесса”, ее основные черты и познавательные возможности, а также основные блоки и связи оригинальной деятельностно-структурной концепции социального механизма трансформационного процесса. Показывается, что концепция Заславской, будучи привязанной к объяснению закономерностей реальных общественных изменений, вооружает будущих исследователей действенными и актуальными теоретико-методологическими средствами для дальнейших исследовательских поисков.

Ключевые слова: социальный механизм трансформационного процесса, социальная трансформация, трансформационная активность, трансформационное поведение, социально-трансформационная структура, акторы трансформационного процесса, деятельностно-структурный подход.

The author attempts to summarize an T. Zaslavskaya contribution to the research of the post-communist transformation processes. Main attention is paid to the category of ”social mechanism of the transformation process”, its main features and cognitive capabilities, as well as to the basic building blocks and communication original action-structural concept of the social mechanism of the transformation process. It is shown that the concept of Tatiana Zaslavskaya, being tied to the explanation of the laws of real social change, equips future researchers effective and relevant theoretical and methodological tools for further research searches.

Keywords: social mechanism of the process of transformation, social transformation, transformational activity transformational behavior, social and transformational structure, the actors of the transformation process, activity-structural approach.

Академик Татьяна Ивановна Заславская не нуждается в особом представлении. Ее имя хорошо известно всем поколениям экономистов и социологов – как самым старшим, так и самым молодым, как в России, так и за рубежом. Заславская – один из ведущих ученых-обществоведов России, крупнейший специалист в области социологии и экономики, основатель Новосибирской экономико-социологической школы, оказавшей существенное воздействие на развитие российской социологии. Ее труды на протяжении уже нескольких десятилетий пользуются редким научным признанием и влиянием как в России, так и за рубежом.

В центре внимания Заславской всегда находились очень сложные и актуальные проблемы экономики и общества, требующие системного осмысления. От изучения экономических проблем распределения по труду в колхозах в 1950-е гг. и миграции

Шабанова Марина Андриановна – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

сельского населения в 1960-е гг. она в 1970-х гг. переходит к *системному* изучению социально-экономической жизни отдельных территориальных единиц, структур и секторов (сельских поселений, районов, областей, аграрного сектора). А затем – к *социальному механизму* функционирования и развития экономики (в 1980-е гг.) и социальному механизму *трансформации общества в целом* (в 1990-е и 2000-е гг.). Цель данной статьи – попытаться осмыслить и по возможности систематизировать вклад Заславской в познание посткоммунистических трансформационных процессов, который неразрывно связан с концепцией *социальных механизмов*.

Эта концепция Заславской родилась и развивалась под воздействием вызовов со стороны *практики*, из потребности в разработке методологических средств действенного и актуального *эмпирического* анализа конкретных болевых проблем экономики и общества. Рассматривая развитие экономики как *социальный* процесс, движимый интересами и ресурсами разных групп, Заславская еще в начале 1980-х гг. поставила под сомнение “святая святых” – “безусловное преимущество социалистических производственных отношений по сравнению с капиталистическими” [Заславская, 1999^б, с. 73], а с началом перестройки стала именоваться ее “прорабом”.

В 1990-е гг. она переходит к изучению социального механизма *трансформации общества в целом* и одной из первых безошибочно определяется как с типом, так и с вероятными перспективами преобразовательного процесса, происходящего в России. *Прикладное* значение ее научных выводов для выработки стратегии и повышения эффективности социально-экономических преобразований трудно переоценить. Однако их востребованность зависит от таких факторов, как способность правящего класса осознать необходимость преобразований, а также наличие политической воли к их осуществлению. И к сожалению, приходится признать, что эти наработки вряд ли будут востребованы в практической деятельности. А вот *научное* значение их не только сохранится, но и, судя по тенденциям в развитии современного научного знания, несомненно, будет усиливаться.

Дело в том, что в западной общественной мысли в последние 10–15 лет наблюдается не только возрождение, но и активное усиление интереса к теоретизированию, основанному на *социальных механизмах* (см., например, [Hedström, Swedberg, 1996; Mahoney, 2001; Mayntz, 2004; Sawyer, 2004; Steel, 2004; Anderson... 2006; Weber, 2007; Gross, 2009; Hedström, Ylikoski, 2010; Aakvaag, 2013; Kaidesoja, 2013; Mason, Easton, Lenney, 2013]). Оно стимулируется неудовлетворенностью объяснительными возможностями как неких общих законов общественного развития, так и сугубо многомерного статистического анализа данных. Правда, понятие “социальный механизм” до сих пор остается очень расплывчатым и неясным: число определений не уступает числу авторов, а порой и превышает их [Mahoney, 2001, p. 579–580; Mayntz, 2004, p. 239]. Разные ученые “открывают” разные виды социальных механизмов, по поводу соотношения между ними тоже нет согласия.

В целом в дискуссиях вокруг социальных механизмов доминируют вопросы, возникающие в собственно *теории познания*: как соотносится “механизменная” методология с принципом методологического индивидуализма, с традициями прагматизма, критического реализма и др.; нужно ли включать в определение социального механизма стартовые условия и результаты его реализации; акторов какого уровня следует принимать во внимание и т.п. Не все из этих теоретико-методологических вопросов Заславская поднимала и считала важными. Но ее концепция, рожденная под воздействием вызовов со стороны *практики* и апробированная ею и ее последователями применительно к разным экономическим и социальным практикам, разным секторам экономики и общества, позволяет прояснить немало вопросов, поднимаемых сегодня в зарубежной общественной мысли в отношении социальных механизмов.

О категории "социальный механизм процесса"

Категория "социальный механизм" стала центральной в исследованиях Заславской еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг. применительно к функционированию и развитию социалистической экономики. Ее коллеги и ученики использовали механизменную методологию в познании частных подсистем и процессов, и со временем категория "социальный механизм функционирования и развития экономики" (СМРЭ) стала "визитной карточкой" Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ). Под *социальным механизмом развития экономики* понималась "устойчивая система поведения социальных групп, а также взаимодействий этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг; система, регулируемая, с одной стороны, социальными институтами данного общества (партией, государством, хозяйственным механизмом, институтами культуры и идеологии), с другой – социально-экономическим положением и сознанием самих этих групп" [Заславская, 1985, с. 23–24; 1997, с. 12–13; Заславская, Рывкина, 1991, с. 59–61].

В 1990-е гг. Татьяна Ивановна прилагает механизменную методологию к анализу трансформирующегося общества в целом – сначала это механизм *социально-экономической* трансформации общества [Заславская, 1995^а; 2002^а, с. 152–170], а затем – социальный механизм трансформации посткоммунистических обществ как *социетальный* процесс [Заславская, 1999^а, с. 149–167; 2002^а, с. 184–204, 445–468; 2002^б, с. 3–16]. Под *социальным механизмом трансформационного процесса* она понимает устойчивую систему взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней (индивидов, организаций и групп), которая регулируется, с одной стороны, базовыми институтами общества (правилами игры), а с другой – интересами и возможностями игроков (социальным статусом, культурными особенностями и др.) и способствует фундаментальному изменению общественного устройства [Заславская, 2002^а, с. 199; 2004, с. 199, 200–201].

Идея *механизмов* социальных процессов базируется на предположении о том, что совокупность определяющих эти процессы явлений, факторов и зависимостей образует некий *целостный* феномен (замкнутый контур связей [Заславская, 1985, с. 24]), исследование устройства которого позволяет глубже разобраться в изучаемых закономерностях [Заславская, 2004, с. 199]. К основным чертам социальных механизмов Заславская относит: их способность регулировать общественные процессы, что объясняется особой значимостью, силой и устойчивостью тех социальных связей, которые обуславливают их системность; относительно высокую инерционность, связанную с сосуществованием в механизмах элементов, принадлежащих прошлому и настоящему, а также одновременное присутствие в механизмах феноменов, как развивающихся естественно-историческим, спонтанным путем, так и сознательно создаваемых" [Заславская, 2004, с. 199–200].

Можно предположить, что именно теоретизирование, основанное на *механизменном* подходе, помогло Татьяне Ивановне быстро и безошибочно определиться с типом преобразовательного процесса, происходящего в России, по крайней мере, с середины 1990-х гг. По ее мнению, суть этого процесса (который в то время в науке называли по-разному – революцией, радикальными реформами, переходом – и осмысливали на основе различных теорий развития: общественных формаций, модернизации, неомодернизации и др.) наиболее адекватно выражается понятием *социальная трансформация общества*. К главным отличительным особенностям этого процесса она относит: 1) постепенность и относительно мирный характер протекания; 2) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социетальный тип общества; 3) принципиальную зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 4) слабую управляемость процесса, важную роль стихийных факторов его развития, *непредрешенность* его итогов; 5) неизбежность, длительность и глубину аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых [Заславская, 2002^а, с. 445–446; 2004, с. 197].

Поскольку в ходе социальной трансформации, в конечном счете, меняется социальный тип общества, она предстает как более сложный процесс, чем целевое *реформирование* обществ, предполагающее сохранение их типологической идентичности. Более сложны и многообразны механизмы и движущие силы социальных трансформаций и в сравнении с социальными *переходами (транзитами)* с известным "пунктом назначения" и под руководством общепризнанных лидеров [Заславская, 2002^а, с. 190]. "Метафорически переход можно сравнить с переправой через спокойно текущую реку, когда видно желательное место причала и есть нужные плавучие средства. Управление же трансформационным процессом сходно с движением лодки по неизвестной реке, богатой водоворотами и перекатами. В таких условиях направление движения практически не зависит от кормчего, а его главная задача – не дать лодке перевернуться, минимизировать удары и потери и, в конце концов, пристать к какому-то берегу" [Заславская, 2004, с. 196].

Новые горизонты научного познания, которые открывает применение категории *социального механизма трансформационных процессов*, связываются с возможностью представить процесс общественных преобразований, по существу, определяющий судьбы трансформирующихся социумов, как некоторую *целостность*, все элементы которой взаимосвязаны и взаимозависимы. В результате удастся осмысливать особенности и перспективы трансформационного процесса на новом уровне глубины, определяя, каким образом социальные действия, совершаемые акторами на *микроуровне*, меняют *макро*характеристики общества, и как изменение этих характеристик, в свою очередь, воздействует на жизнь и деятельность этих акторов. Кроме того, использование данного понятия позволяет ставить вопрос о разных типах и социальном качестве механизмов, регулирующих преобразовательные процессы в разных обществах [Заславская, 2002^а, с. 193, 204; 2004, с. 212].

О вкладе Заславской в познание посткоммунистических трансформаций

Будет ли категория *социальный механизм* выполнять предписанную ей роль зависит от содержания более широкого аналитического каркаса, в который она вплетается. Заславская разрабатывает оригинальную деятельностно-структурную концепцию трансформационного процесса, основные элементы и связи которой представляет в аналитической схеме социального механизма, представленной на рисунке.

Подробную характеристику основных блоков и связей заинтересованный читатель может найти в ряде работ (см., например, [Заславская, 2002^а, с. 193–203, 2004, с. 200–210]). Их обоснованию и осмыслению посвящены несколько монографий и многие статьи Заславской. Коротко отмечу, что Блок *А* ("Социетальное качество общества"), отражающий важнейшие характеристики трансформирующихся обществ как целостных систем, именуется *социетальным*, или *результативным*. Блок *Б* ("Массовые трансформационные процессы, изменение социальных практик"), на входе в который находятся *действия акторов разных уровней*, а на выходе – *макрохарактеристики общества* и который "скрывает в себе тайну" преобразования индивидуальных и групповых социальных действий в *макро*процессы, назван *переходным*. Блок *В* ("Трансформационная активность общества"), составляющий "сердце" изучаемого механизма, именуется *деятельностным*, или *собственно механизмом*. Он характеризует взаимосвязанные виды трансформационной активности социальных акторов разных уровней и типов и показывает, *каким образом* изменяются социальные практики общества. Наконец, блок *Г* ("Социально-трансформационная структура общества") назван *субъектным*, так как он отражает состав и взаимосвязи *макросубъектов* трансформационных процессов и отвечает на вопрос о том, *какие культурно-политические силы* в конечном счете "несут ответственность" за изменение социетального типа общества.

Функционирование социального механизма обеспечивается прямыми и обратными связями между его блоками и их элементами. *Прямые* связи между блоками

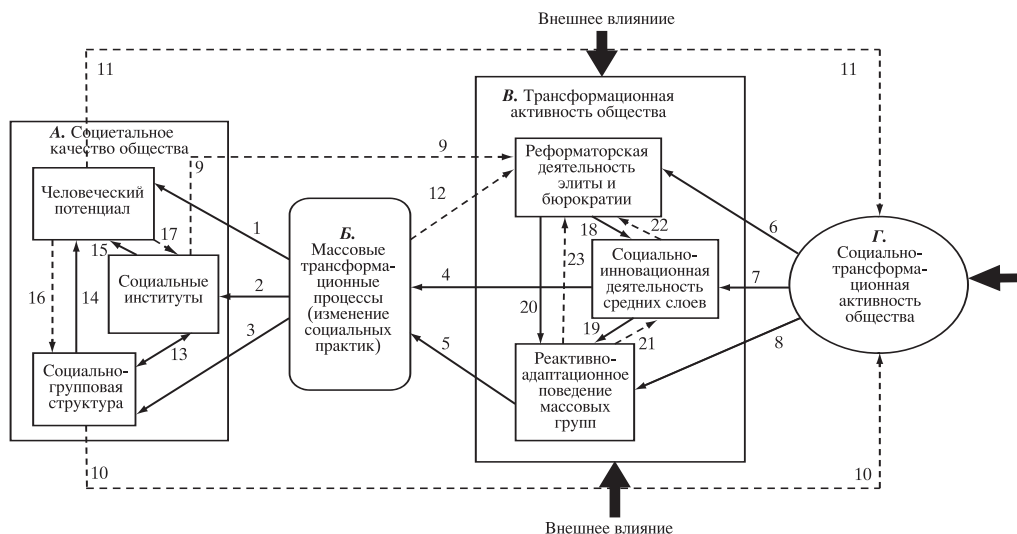

Рис. Социальный механизм трансформационного процесса (аналитическая схема).
Источник [Заславская, 2004, с. 202].

(связи 1–8) дополняются *обратными* (связи 9–12), что придает социальному механизму относительную замкнутость, отражающую его воспроизводственный характер.

Это краткое перечисление основных блоков и связей помогает систематизировать вклад Татьяны Ивановны в познание посткоммунистических трансформаций. Не претендуя на полноту, назову, на мой взгляд, определяющие положения.

1. Существенное обогащение понятийного аппарата и инструментов познания посткоммунистических трансформаций. К числу базовых можно отнести такие понятия, как: “социальная трансформация”, “социальный механизм трансформации общества”, “социально-трансформационная структура общества”, “трансформационная активность”, “инновационно-реформаторский потенциал общества”, типы акторов и уровни трансформационного процесса.

2. Обоснование критериев оценки *хода* и *результатов* трансформационного процесса на основе конструирования *трехмерного* пространства посткоммунистических трансформаций, включающего важнейшие макрохарактеристики обществ: институциональную систему, социальную (социально-групповую) структуру и человеческий потенциал, а также *связи* между ними. Обоснование состава *институтов*, играющих ключевую роль в определении *социального* типа трансформирующегося общества (блок А).

3. Введение в научный оборот понятия “*трансформационная структура общества*”, призванного отражать специфическое *социальное* качество общества, особо значимое в периоды крутых перемен, – его способность к саморазвитию (блок Г). Разделение в аналитической схеме стратификационной и трансформационной структур общества. Разработка методологических подходов к изучению трансформационной структуры на основе выделения двух относительно независимых, но одинаково важных проекций – *вертикальной* (социально-иерархической) и *горизонтальной* (культурно-политической) и их последующего пересечения. Это позволяет построить более сложную и объемную модель трансформационной структуры, точнее оценить ресурсы макросубъектов (основных движущих сил трансформации), уровень их консолидации, социальной укорененности, а следовательно, и роль в трансформационном процессе (см., например, [Заславская, 1998; 2004, с. 272–275; 2007, с. 292–312]).

4. Разработка понятия “трансформационная активность” и типологии трансформационного поведения, органически увязывающей изменения на разных уровнях трансформационного процесса (макро-, мезо- и микро-). Оценка поведенческих стратегий

одновременно и, с точки зрения их функций по отношению к *акторам* (достижительные, адаптационные, регрессивные, разрушительные), и с учетом их последствий для *общества* (конструктивные, деструктивные, неоднозначные) позволяет более надежно судить о социальной эффективности трансформации (см., например, [Заславская, 2004, с. 202–239, 246–255]).

5. Приложение механизмов методологии к анализу *частных* (по сравнению с обществом в целом) трансформационных процессов; иллюстрация продуктивности ее конкретизации (“заземления”) на примере одного из самых “болевых” трансформационных процессов, характерных для современной России – распространения и институционализации *неправовых социальных практик* [Заславская, 2004, с. 256–263; Заславская, Шабанова, 2004; 2003^а, 2003^б, 2002^а, 2002^б, 2001].

6. Разработка теоретико-методологических и методических основ, а также проведение крупномасштабных эмпирических исследований различных *элементов и связей* аналитической схемы трансформационного процесса. Изучение представителей разных слоев как потенциальных и реальных *акторов* современного трансформационного процесса и оценка на этой основе инновационно-реформаторского потенциала разных слоев [Заславская, 1999^а, с. 149–167; 2001, с. 18–31; 2002^а, с. 455–464, 494–503; 2004, с. 285–306; 2011, с. 13–25]. Эти работы, судя по ссылкам в научной литературе, на протяжении многих лет вызывают большой интерес и дают импульс дальнейшим научным поискам в разных направлениях: идет ли речь о социальной структуре и стратификации российского общества [Заславская, 2002^а, с. 258–400, 453–467; 1999^а, с. 149–167; Заславская, Рывкина, 1991, с. 228–257], о его бизнес-слое [Заславская, 2002^а, с. 334–358; 1995^б], средних слоях [Заславская, 2002^а, с. 468–494; Заславская, Громова, 1998], функциональных типах адаптационного поведения [Заславская, 2002^а, с. 511–515; 2000, с. 13–19], человеческом потенциале общества [Заславская, 2005^а; 2007, с. 348–387; 2011] и др.

7. Проведение мониторинга качественного состава и деятельностных характеристик *нового поколения деловых людей* России как потенциальной модернизационной общности на основе взаимосвязанного осмысления субъектно-деятельностных, социально-групповых и институциональных аспектов трансформационного процесса [Заславская, 2005^б; 2006; 2011; Заславская, Шабанова, 2012^а; 2012^б; Заславская, Крылатых, Шабанова, 2007].

8. Оценка возможных и вероятных вариантов развития России на основе деятельностно-структурной концепции социального механизма трансформационного процесса, принимающей во внимание взаимосвязь и относительную автономность разных уровней социальной реальности, интересы и ресурсы акторов разных уровней [Заславская, 2004, с. 381–399; 2007, с. 292–312].

9. Разработка оригинальной *аналитической схемы* социального механизма трансформации, которая имеет *самостоятельное инструментальное* значение. Она помогает увидеть “белые пятна” в исследованиях отдельных блоков и связей; исследования частных блоков и связей предстают как часть целого, что способствует активизации актуальных исследований в рамках *данного* общества, в том числе на *междисциплинарной* основе. Кроме того, схема облегчает проведение *сравнительных* исследований трансформационных процессов в *разных* посткоммунистических обществах; позволяет выявлять различия в “социальном качестве механизмов, регулирующих преобразовательные процессы в разных обществах”. Тем более что последние «различаются не столько составом элементов и связей (большинство из которых носит “сквозной” характер), сколько их конкретным национальным “наполнением”, содержанием, эффективностью» [Заславская, 2002^а, с. 204; 2004, с. 211]. В результате не только исследования трансформационных процессов в *данном* обществе, но и их международные сравнения обретают “более системный и целенаправленный характер” [Заславская, 2004, с. 212].

10. Просяснение ряда эпистемологических вопросов, обсуждаемых сегодня в западной социологии и философии науки в отношении категории *социальный механизм*.

В основе – деятельностно-структурная концепция трансформационного процесса, базирующаяся на прочном *эмпирическом* базисе, постоянном и тесном соединении теории с эмпирией (теория – средство для исследования эмпирии, эмпирия – средство проверки правильности теории).

Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на каждом из обозначенных положений. Остановлюсь на трех, требующих дополнительных пояснений, по крайней мере, в том виде, как я сформулировала их выше.

Оценка хода и результатов трансформационного процесса: обоснование критериев

До сих пор в научном сообществе нет согласия в отношении критериев, с помощью которых следует оценивать ход и итоги посткоммунистических трансформаций. Одни на первый план выдвигают те или иные *институциональные* сдвиги (экономические, политические, правовые), другие – сдвиги в системе *социальных неравенств*, третьи – в уровне и качестве *человеческого потенциала* общества, включая изменения в ценностных ориентациях и моделях поведения и пр. Отсутствие *системных* разработок в этой области проявляется в большом разбросе оценок и легком проникновении в них политико-идеологических “корректировок” и манипуляций. Так, об успехах реформ чаще говорят те, кто делают акцент на институциональных сдвигах и игнорируют неблагоприятные тенденции в социально-групповой структуре и качестве человеческого потенциала. Негативные же оценки, напротив, чаще раздаются со стороны тех, кто акцентируют внимание на социальных критериях, но не принимают во внимание становление новых общественных институтов и социальных практик [Заславская, 2004, с. 107–108].

В концепции Заславской пространство посткоммунистических трансформаций одновременно включает *три* важнейшие макрохарактеристики обществ: институциональную систему, социальную (социально-групповую) структуру и человеческий потенциал, а также связи между ними (блок А). В результате системный результат преобразований в каждый момент времени базируется на взаимосвязанном анализе динамики трех обобщающих индикаторов: эффективности *институциональных систем*, качества *социальных структур* и уровня *человеческого потенциала* [Заславская, 2004, с. 106–109, 102–105]. Татьяна Ивановна подчеркивает, что изменение *институтов*, будучи важным результатом социетальных трансформаций, – не самоцель, а скорее, *внешнее* проявление трансформаций, *инструмент* достижения более глубинных конечных целей. Среди последних – сдвиги в *социально-групповой* структуре общества: системе социальных неравенств, появлении новых общественных групп и др. [Заславская, 2004, с. 103–104]; словом – менее доступные внешнему управлению процессы, являющиеся следствием преобразования базовых институтов. Однако наиболее глубокие и долгосрочные результаты трансформационных процессов связываются с изменением *человеческого потенциала*: “повышение или снижение этого потенциала служит самым фундаментальным критерием того, ведут ли осуществляемые преобразования к расцвету и обновлению общества или вызывают его упадок и деградацию” [Заславская, 2004, с. 104–105]. Детальному осмыслению каждой координатной оси этой трехгранной призмы, внутри которой перемещаются посткоммунистические общества, посвящен целый ряд работ Заславской (см. [Заславская, 1999^а; 1999^б; 2005^а; 2004, с. 111–187; 2007, с. 317–387] и др.).

Особая заслуга Заславской, на мой взгляд, состоит и в обосновании состава важнейших институтов, включаемых в поле зрения при определении социетального типа того или иного общества. Наряду с качеством двух общепризнанных базовых институтов, какими являются *власть* (степень ее демократичности, легитимности, эффективности) и *собственность* (структура, развитость, легитимность, защищенность), она предлагает непременно учитывать развитость двух других (“не общепринятых”) институтов. Это, во-первых, многообразие и зрелость структур *гражданского общества*,

и во-вторых, широта и надежность *прав и свобод человека* [Заславская, 2002^a, с. 446; 2004, с. 120].

В самом деле, одной и той же конфигурации власти и собственности могут отвечать принципиально различные качества гражданского общества и прав человека. Можно, например, формально демократизировать власть или быстро либерализировать отношения собственности, но сделать это за счет ущемления реальных прав большинства граждан – на основе правил игры, унаследованных от прежней административно-командной системы [Заславская, 2004, с. 121].

Включение этих институтов в результирующий блок имеет важное значение не только для оценки хода и итогов трансформации. Оно помогает осмыслить и неоднозначность характера связи между базовыми институтами и экономическим ростом. Так, В. Полтерович и В. Попов показали, что характер влияния демократизации на экономический рост *зависит от условий, в которых она осуществляется*: стимулируя экономический рост в условиях достаточно высокого уровня *правопорядка* (если индекс коррупции выше 6,65), она отрицательно сказывается на нем в условиях слабого правопорядка. Опираясь на классификацию посткоммунистических стран по среднему индексу политических прав в 1998–2000 гг., рассчитываемому Freedom House, они обнаружили, что “частично свободные” страны (Россия, Украина, Хорватия, Киргизия, Молдавия) испытали более глубокое сокращение производства и более сильный рост социального неравенства по сравнению как со “свободными” (Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения), так и с “несвободными” странами (Белоруссия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан). Иными словами, быстрое введение демократии в авторитарных странах со *слабым* правопорядком может быть сопряжено со множеством отрицательных экономических и социальных последствий [Полтерович, Попов, 2007].

Концепция Заславской дает основания полагать, что, хотя общее направление *социетального* преобразования России определилось, вопрос о возможном *типе* рыночных отношений и *степени* демократичности политического строя остается открытым. Варианты трансформации могут значительно различаться соотношением разных начал: стихийного или управляемого, правового или неправового, рыночного или административно-перераспределительного, демократического или авторитарного и др.

Трансформационная структура и перспективы социальной трансформации

Обогащение понятийного аппарата и инструментов познания социальных трансформаций на основе разработки и обоснования нового понятия – “трансформационная структура общества” (блок Г) представляется важной методологической находкой, позволяющей существенно расширить возможности научного осмысления механизмов и траектории современного трансформационного процесса [Заславская, 2002^a, с. 193–204; 445–465]. Им обозначается система социальных макросубъектов, взаимодействие (сотрудничество, конкуренция, борьба) которых служит движущей силой социетального преобразования общества [Заславская, 2002^a, с. 519; 2004, с. 267]. Потребность в изучении этой структуры порождается стремлением понять, какие социальные силы – осознанно или неосознанно – содействуют модернизации общественного устройства или его стагнации и деградации, каковы их интересы и внутренняя структура, какими ресурсами они располагают и как добиваются своих целей [Заславская, 2004, с. 208].

Дело в том, что для понимания социального механизма, движущихся сил и перспектив общественных перемен недостаточно знать *стратификационную* структуру общества. Трансформационная структура формируется под влиянием не только социальной стратификации, но и социально-политической и культурной дифференциации, которая отражает различия в мотивации и содержательной направленности трансформационной активности субъектов [Заславская, 2002^a, с. 452]. Если социальная структура описывает скорее “анатомию” общества, то трансформационная – его

“физиологию”, способ функционирования и развития. Отражая *системное* качество общества, особо значимое в периоды крутых перемен (а именно: его дееспособность как субъекта самореформирования и саморазвития), она включает не только активные, но и пассивные группы. “Эффективность этой структуры определяется соотношением социальных сил, способствующих либо углублению и закреплению либерально-демократических преобразований, либо сохранению и возрождению институтов советского типа, либо расшатыванию институциональной системы как таковой” [Заславская, 2004, с. 208]. Мету этого качества Татьяна Ивановна называет *инновационно-реформаторским потенциалом общества* [2002^a, с. 519–520; 2004, с. 208].

Удачным представляется разработанный Заславской подход к выделению конкретных *элементов* трансформационной структуры посткоммунистических обществ. В ее концепции эта структура имеет две важных проекции, отражающие разные подходы к идентификации коллективных макроакторов трансформации. В рамках *вертикального (социально-иерархического)* подхода в качестве таковых рассматриваются социальные слои и группы общества с разным ресурсным потенциалом (культурно-политические различия внутри каждого иерархического слоя игнорируются). *Горизонтальный* подход, напротив, акцентирует внимание на *культурно-политической* дифференциации социальных акторов (различиях в культуре, убеждениях, интересах, установках и направленности социальных действий), абстрагируясь от их места на иерархической шкале статусов.

В современной России горизонтальная проекция трансформационной структуры включает: государственнические, олигархические, либерально-демократические, социал-демократические, национал-патриотические и криминальные (противоправные квазиполитические) силы. Заметную роль играют и *внеполитические* силы, вбирающие почти половину населения [Заславская, 2002^a, с. 523–538; 2004, с. 346–350]. Пересечение вертикальной и горизонтальной проекций позволяет выделить основные элементы трансформационной структуры. В качестве таковых рассматриваются общности, обладающие как сходным социальным статусом, так и близкими социально-политическими и культурными характеристиками. Объединение таких общностей “по горизонтали” дает социальные слои, а “по вертикали” – основные культурно-политические силы, различающиеся мощностью ресурсного потенциала, социальной укорененностью и сплоченностью. Такой подход к идентификации реальных макроакторов современного трансформационного процесса представляется продуктивным, поскольку позволяет оценить и прочность социальной базы основных общественных сил, и возможности их консолидации друг с другом, и характер и масштабы ресурсов, которыми они располагают для достижения своих целей. Тем самым исследователи современного трансформационного процесса получают надежный методологический аппарат, с помощью которого можно более обоснованно судить о возможных и наиболее вероятных сценариях общественного развития на разных этапах трансформационного процесса.

Заславская не просто выделяет основные культурно-политические силы, но, констатируя их фрагментарность и неустойчивость в современной России [2004, с. 311], объединяет их в две группы, потенциально способные превратиться в конкурирующие за власть политические *союзы*. В основе деления – мера общности ценностно-деятельностных позиций по семи критериям (двум политическим, двум экономическим, а также по идеологическому, правовому и внешнеполитическому) [2004, с. 351]. В одну группу вошли государственнические, социал-демократические и коммуно-патриотические силы, а в другую – олигархические, либерально-демократические и криминальные. Чтобы оценить влияние разных культурно-политических сил и их потенциальных союзов на трансформацию российского общества, она дополняет горизонтальную проекцию трансформационной структуры вертикальной. С этой целью выявляется социальная структура сторонников тех или иных сил, что помогает понять степень их социальной укорененности (то есть ту глубину, на которую соответствующие идеи и интересы проникают в массовые слои). И кроме того, она пытается сравнить их по примерному масштабу находящихся в их распоряжении ресурсов.

Поскольку культурно-политические силы России пока довольно расплывчаты, границы между ними не всегда ясны, то любые попытки количественной оценки имеющих в их распоряжении ресурсов безнадежны. Поэтому Заславская определяет примерное соотношение этих сил на основе качественной оценки их ресурсов по четырехбалльной шкале (0 баллов – отсутствие или ничтожный объем, 1 балл – ограниченный, 2 балла – значительный, а 3 балла – очень большой объем соответствующего ресурса у данной силы) и последующей корректировки результатов с учетом весов различных ресурсов в российском социальном контексте (3 – политические ресурсы, 2,5 – экономические, 2 – административные, 2 – силовые, 1,5 – культурные, 1 – социальные).

В результате анализируемые культурно-политические силы были разделены на *ведущие*, то есть оказывающие наиболее мощное влияние на трансформационный процесс (государственнические и олигархические), *второстепенные*, но политически значимые (криминальные), а также *периферийные* (коммунно-патриотические) и *наиболее слабые* (либерально-демократические и социал-демократические) [Заславская, 2004, с. 392]. Учитывая состав и соотношение культурно-политических сил в России Заславская более 10 лет назад (2003 г.) сделала вывод о наиболее вероятной реализации *умеренно-государственнического* варианта развития страны [Заславская, 2004, с. 392–398], что собственно и подтверждается сегодня.

О вкладе Заславской в современную дискуссию о социальных механизмах

Деятельностно-структурная концепция социального механизма трансформационного процесса, принимающая во внимание взаимосвязь и относительную автономность разных уровней социальной реальности, интересы и ресурсы акторов разных уровней и типов вооружает исследователей надежным методологическим аппаратом, с помощью которого они могут более обоснованно судить о возможных и наиболее вероятных сценариях общественного развития на разных этапах трансформационного процесса, глубже познавать закономерности посткоммунистических трансформаций. Продуктивным оказалось также приложение механизменной методологии к анализу *частных* (по сравнению с обществом в целом) процессов¹, а также к исследованию закономерностей распространения и институционализации *новых* социальных практик, в том числе *неправовых* [Заславская, 2004, с. 256–263; Заславская, Шабанова, 2002^a, с. 3–38; 2004, с. 208–261].

Оригинальная *аналитическая схема* социального механизма трансформации облегчает *междисциплинарные* взаимодействия, способствует активизации исследований в рамках данного общества, а также проведение *сравнительных* исследований в *разных* посткоммунистических обществах. Понимание устройства социальных механизмов актуальных экономических и социальных процессов имеет важное *практическое* значение, помогая управленцам разных уровней принимать более эффективные управленческие решения.

Базируясь на прочном *эмпирическом* базисе, постоянном и тесном соединении теории с эмпирией, концепция Заславской помогает прояснению ряда эпистемологических вопросов, поднимаемых сегодня в западной общественной мысли в отношении категории *социальный механизм*. В частности, нет никаких оснований связывать идею социального механизма исключительно с принципом *методологического индивидуализма*, как делают некоторые авторы [Hedströmand, Swedberg, 1996, p. 298]. Объяснение, базирующееся на механизмах, вполне совместимо с *разными теориями социального действия* [Mayntz, 2004, p. 248; Steel, 2004, p. 58–59; Gross, 2009, p. 363]. В концепции Заславской важное значение имеют ценностные ориентации индивидов, разделяемые ими культурные нормы, а также масштабы и структура доступных им

¹ Например, Л. Косалс изучал социальный механизм инновационных процессов, З. Калугина – функционирования и развития личного сектора АПК; коллектив под руководством Р. Рывкиной – *вертикальные* компоненты *социально-управленческой* структуры АПК, а под руководством Е. Горяченко – *территориальные* аспекты социального механизма и др..

ресурсов (политических, административных, экономических, социальных, включая имидж, мощность сетей и др.) [Заславская, 2004, с. 389–390].

Концепция социальных механизмов Заславской подкрепляет позиции тех теоретиков, которые называют “роковым недопониманием” непосредственное выведение *макро*феноменов из мотивированного поведения *индивидов* [Mayntz, 2004, p. 249; Gross, 2009, p. 369]. Между блоками **A** и **B** она размещает блок **B** “Массовые трансформационные процессы” (см. рис.), которые “как бы не имеют субъектов: формально за их течение не отвечает никто, а фактически ответственны все”. И именно эта совокупность *слабоуправляемых*, переплетающихся массовых процессов, в которых участвует множество *разнотипных* социальных акторов (от индивидов и малых групп до корпораций и органов власти) служит непосредственным “орудием” изменения *социальных* характеристик общества (связи 1, 2, 3). Примерами массовых трансформационных процессов могут служить: становление конкурентного рынка труда, развитие предпринимательства, распространение коррупции, двойной занятости, формирование протестного движения, поляризация доходов и др. [Заславская, 1997, с. 293]. Многие свойства социальной системы носят эмерджентный характер [Sawyer, 2004, p.272].

В то же время концепция социального механизма трансформационного процесса дистанцируется и от сугубо *объективистских* концепций, акцентирующих роль неких *детерминистских* законов и пренебрежительно относящихся к каким бы то ни было преднамеренным действиям индивидов и свойствам их сознания. Слабая управляемость трансформационного процесса, важная роль стихийных факторов его развития, непредрежденность итогов указывают на *вероятностную* природу закономерностей, лежащих в основе социальных механизмов.

При изучении *реальных* социальных и экономических процессов неоправданно раздутой представляется дискуссия о том, следует ли включать в формальное определение социального механизма исходные условия (“*inputs*”) и результаты (“*outputs*”). В концепции Заславской блок **B** (“собственно механизм”) – ключевой, но он повис бы в воздухе, если бы не стал элементом *целостного (системного)* взгляда на трансформационный процесс, базирующегося на определенном теоретическом представлении об основных блоках, их элементах, внутренних и внешних связях.

Приложение концепции социального механизма трансформационного процесса к более *частным* процессам, разумеется, требует конкретизации основных блоков и связей. Заславская признает, что такие понятия, как “социальный механизм развития экономики” или “социальный механизм трансформационного процесса” представляют *научную абстракцию*, поскольку в действительности эти процессы, как и любые макрофеномены, регулируются *множеством механизмов*, “отвечающих” за более конкретные процессы. По сути, каждый блок (элемент блока), а также ключевые связи между ними – результат и процесс действия ряда частных механизмов.

Познание *механизмов* тех или иных феноменов – более сложный процесс, чем познание их *факторов*. Оно связано с неудовлетворенностью установлением характера связей между переменными без попыток понять “колесики и винтики”, которые обеспечивают эту связь. Однако безусловное противопоставление “механизменного” и корреляционного анализа не всегда оправдано и не должно заходить слишком далеко. Современные методы математико-статистического анализа, компьютерные симуляции могут существенно помогать в познании механизмов, в проверке тех объяснительных моделей, которые создают ученые, словом, конструктивно *дополнять* “механизменный” анализ. Перспективность категории *социальный механизм*, развиваемой Заславской, подтверждается также тем, что сегодня она используется широким кругом обществоведов, причем стала одним из базовых элементов методологии не только НЭСШ, но и ряда других социологических сообществ (см., например, [Якуба, 1998; Соколова, 2001]).

* * *

На сегодня не все положения концепции удалось эмпирически проверить в ходе крупномасштабных исследований. Такая задача непосильна одному исследователю. В

условиях недостатка данных Заславская пыталась решать исследовательские задачи, обобщая результаты многочисленных исследований, опираясь на собственный опыт и экспертные оценки. Это давало ей возможность верно улавливать наиболее вероятные варианты трансформационного процесса в России. Однако с учетом новых условий и новых процессов ждут своего часа репрезентативные исследования элементов и связей трансформационной структуры общества, соотношения между разными типами трансформационной активности и пр.

Выявление и анализ социальных механизмов признается сегодня вопросом большой важности как для развития общественных наук, так и для повышения эффективности управленческих решений. Особенно значимой видится роль механизменной перспективы анализа в *трансформирующихся* экономиках и обществах. Концепция социальных механизмов Заславской, будучи привязанной к объяснению закономерностей *реальных* общественных изменений, вооружает будущих исследователей действенными и актуальными теоретико-методологическими средствами для дальнейших исследовательских поисков и продвижений, а практиков – важным инструментом разработки взвешенных и результативных стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заславская Т.И. Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект // Социологические исследования. 2006. № 4, 5.

Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. 1995^б. №1.

Заславская Т.И. Избранное. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007.

Заславская Т.И. Изучение механизмов социальных процессов (1981–1985) // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999^б.

Заславская Т.И. Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества // Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества. М., 2001.

Заславская Т.И. Новое поколение акторов российской экономики: проблемы социального качества // Общество и экономика. 2005^б. № 5.

Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. 2002^б. № 8.

Заславская Т.И. О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск, 1985.

Заславская Т.И. О социально-трансформационной структуре общества // Общество и экономика. 1998. № 3–4.

Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России // Общественные науки и современность. 2011. № 3.

Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6.

Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.

Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995^а. № 3.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М., 2002^а.

Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект / Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999^а.

Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005^а. № 3, 4.

Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о “среднем классе” российского общества // Мир России. 1998. № 4.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, 1991.

- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // *Мир России*. 2002^a. № 2.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // *Социологические исследования*. 2002^b. № 6.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Распространение и институционализация неправовых практик в сфере труда и занятости // *Россия, которую мы обретаем*. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2003^b.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы институционализации неправовых социальных практик // *Россия, которую мы обретаем*. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2003^a.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Трансформационный процесс в России и институционализация неправовых практик // *Истоки: экономика в контексте истории и культуры*. М., 2004.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 1. Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде // *Общественные науки и современность*. 2012^a. № 4.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 2. Инновационный потенциал и проблемы его реализации // *Общественные науки и современность*. 2012^b. № 5.
- Заславская Т.И., Крылатых Э.Н., Шабанова М.А.* Новое поколение деловых людей России. М., 2007.
- Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск, 1989.
- Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократизация и экономический рост // *Общественные науки и современность*. 2007. № 2.
- Соколова Г.Н.* Экономическая социология. Минск, 2001.
- Якуба Е.А.* Социология. Харьков, 1998.
- Aakvaag G.C.* Social Mechanisms and Grand Theories of Modernity – Worlds Apart? // *Acta Sociologica*. 2013. Vol. 56. № 3.
- Anderson P.J.J., Blatt R., Christianson M.K., Grant A.M., Marquis C., Neuman E.J., Sonenshein S., Sutcliffe K.M.* Understanding Mechanisms in Organizational Research: Reflections from a Collective Journey // *Journal of Management Inquiry*. 2006. Vol. 15. № 2.
- Gross N.* A Pragmatist Theory of Social Mechanisms // *American Sociological Review*. 2009. Vol. 74. № 3.
- Hedström P., Ylikoski P.* Causal Mechanisms in the Social Sciences // *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36.
- Hedström P., Swedberg R.* Social Mechanisms // *Acta Sociologica*. 1996. Vol. 39. № 3.
- Kaidesoja T.* Overcoming the Biases of Microfoundationalism: Social Mechanisms and Collective Agents // *Philosophy of the Social Sciences*. 2013. Vol. 43. № 3.
- Mahoney J.* Beyond Correlational Analysis: Recent Innovations in Theory and Method // *Sociological Forum*. 2001. Vol. 16. № 3.
- Mason K., Easton G., Lenney P.* Causal Social Mechanisms; from the What to the Why // *Industrial Marketing Management*. 2013. Vol. 42. № 3.
- Mayntz R.* Mechanisms in the Analysis of Social Macro-phenomena // *Philosophy of the Social Sciences*. 2004. Vol. 34. № 2.
- Sawyer R.K.* The Mechanisms of Emergence // *Philosophy of the Social Sciences*. 2004. Vol. 34. № 2.
- Steel D.* Social Mechanisms and Causal Inference // *Philosophy of the Social Sciences*. 2004. Vol. 34. № 1.
- Weber E.* Social Mechanisms, Causal Inference, and the Policy Relevance of Social Science // *Philosophy of the Social Sciences*. 2007. Vol. 37. № 3.